

Комаров А.А.

ЮРИСДИКЦИЯ ТРАНСНАЦИОНАЛЬНЫХ КОМПЬЮТЕРНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПО УГОЛОВНОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ ГЕРМАНИИ

Аннотация: Предметом исследования представленной статьи является система норм уголовного законодательства, определяющая пределы его действия в пространстве. В целях комплексного изучения вопроса мы последовательно обращались к нормам отечественного и зарубежного законодательства. В данном случае мы прибегли к опыту германского уголовного права, предполагая сравнить его с действующим российским. В силу этого обстоятельства мы рассмотрели примеры закрепления территориального, персонального, пассивного персонального, реального и универсального принципов в немецком уголовном законе. Поскольку наше исследование предполагало всестороннее изучение проблемы, то мы вынужденно затронули как исторические аспекты, связанные с формированием немецкого уголовного права (использовав сравнительно-правовой метод), так и современную правоприменительную практику (анализ судебных прецедентов, формально-логический метод), в трактовке высшей судебной инстанции по уголовным делам в Германии: *Kammergericht*. Новизна исследования заключается в том, что мы впервые в рамках подобных исследований опирались как на действующее уголовное законодательство (УК РФ, УК ФРГ), так и на исторические источники (УК РСФСР, УК ГДР), которые несомненно оказали значимое влияние на доктрину уголовного права. Впервые переведены с немецкого языка и представлены материалы конкретных уголовных дел и судебной практики высших судебных инстанций по уголовным делам Германии в отношении транснациональных компьютерных преступлений. В результате удалось выявить определённые закономерности в развитии германского уголовного права, которые отличают его как от российского, так и от законодательства стран Общего права (*Common Law*).

Ключевые слова: Интернет, уголовный кодекс, УК, юрисдикция, компьютерная преступность, место преступления, территориальный принцип, Германия, фишинг, Германская демократическая республика.

Abstract: The subject of this research is the system of norms of criminal legislation that defines the boundaries of its jurisdiction. The author sequentially refers to the norms of Russian and foreign legislation in order to provide a comprehensive analysis of this topic. In this particular case the author uses German criminal code and compares it with its current Russian counterpart. For this purpose we have examined the examples of formalization of the territorial, personal, passive personal, real and universal principles in the German Criminal Code. The scientific novelty of this research consists in the fact that the author is first to base the analysis on both, the current criminal laws of Russia and Germany, as well as the historical sources (Criminal Code of the RSFSR and Criminal Code of the GDR), which undoubtedly affected the doctrine of criminal law. The author was able to determine the certain regularities in development of German criminal law, which distinguish it from Russian legislation, as well as legislation of the countries of Common Law.

Keywords: Territorial jurisdiction, Ort der Tat, cybercrime, jurisdiction, StGB, Strafgesetzbuch, Internet, Germany, phishing, German Democratic Republic.

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта Президента РФ № МК-5413.2016.6

Введение.

Рассматривая отдельные вопросы действия уголовного закона в пространстве, мы со временем пришли к убеждённости в том, что изучение аналогичных положений зарубежного законодательства является насущной необходимостью. Исторический опыт регулирования подобных вопросов в нашей стране даёт повод задуматься над многообразием существовавших и существующих способов

решения проблемы. И если зачастую исторические источники оторваны от действительности, то современное законодательство иных государств более актуально. Поистине, трудно предположить, чтобы в позапрошлом веке, кто-нибудь из юристов задумался о распространении норм уголовного права на компьютерные сети, когда самих этих технологий ещё не было изобретено. Ныне же в массе зарубежных законоположений учтён данный факт. Более того, к сему вопросу стоит подходить избирательно, поскольку различные

нормативные акты не свободны от имманентно присутствующих им недостатков и слепая имплементация способна лишь ухудшить содержание отечественного законодательства. Следует воспринимать лишь такие формы и конструкции, которые смогут послужить в деле совершенствования российского Уголовного кодекса.

Некогда, мы уже обращались (в ряде своих предыдущих статей) к интерпретации опыта стран Общего права (т.н. Common Law). Весьма примечательные результаты мы получили, изучая уголовное законодательство (статутное право) о компьютерных преступлениях Великобритании и специфику судебных прецедентов США. Теперь же настала очередь поговорить о праве континентальной Европы. И в качестве объекта мы избрали уголовное законодательство Германии. Впервые, немецкие юристы одними из первых попытались решить проблему т.н. «транзитных» преступлений на теоретическом уровне. Полагаем, что классическая германская школа уголовного права середины XIX века была весьма сильна, для того чтобы отыскать ответ. Но, к сожалению, решение так и не было найдено. Мы в свою очередь надеемся, что накопленный немецкими учёными опыт будет можно использовать применительно к такому социальному феномену как Интернет. Во-вторых, по верному замечанию А.А. Малиновского неоднократно меняясь под воздействием различных исторических обстоятельств, германское уголовное право оказало существенное влияние на развитие научной мысли стран центральной Европы (Швейцарии, Австрии, Дании и пр.) [1, С.103]. Не стоит недооценивать его воздействие и на русское уголовное право. Вспомнить хотя бы знаменитый курс уголовного права А.Ф. Бернера (1865 г.) [2]; а в последующие годы и взаимовлияния, если учесть опыт становления и принятия уголовного кодекса ГДР, который являл собой яркий образчик свода норм социалистического права [3, С.147]. Нельзя отрицать и тот факт, что российское право является частью более общей системы: правовой семьи – Континентального права, наследуя его характерные черты. Таким образом, изучение принципов, по которым развивается современное «двоюродное» уголовное законодательство наших европейских соседей даёт нам неоценимый опыт в построении собственного.

К вопросу о действительных источниках немецкого уголовного права в историческом ракурсе.

Нужно сказать, что причин для постановки подобного вопроса в рамках наших исследований была масса. Первый и, пожалуй, самый очевидный из них это то, что основным действующим уголов-

ным законом Германии является *Strafgesetzbuch* (далее – *StGB*), принятый в процессе объединения государства в 1871 году под названием «Уголовное уложение Германской Империи», а в 1953 году, получившее современное сокращённое название. Вполне естественно, что ряд теоретических суждений, относительно природы и содержания закона, данных юристами XIX века могут быть актуальными до сих пор, уже в силу того обстоятельства, что отдельные нормы остались фактически неизменными или изменились весьма незначительно.

Но на определённых исторических этапах, содержание уголовного закона всё же менялось или пересматривалась практика его применения. Так, система денежных штрафов введённая в период Веймарской республики (1919-1933), находит отражение в действующем *StGB* в усовершенствованном виде, а новации фашистского уголовного права, допускавшие применение уголовного закона по аналогии (изменения в §2 Уложения от 1935 года) ныне исключены [4, С.15]. Отдельно отстоит вопрос существования во второй половине XX века самостоятельного уголовного законодательства ГДР. Нельзя отрицать, что данный источник права является германским, но не буржуазным, по особому регулируя многие вопросы в т.ч. действия в пространстве и во времени.

Не стоит сбрасывать со счетов и тот факт, что германское государство развивалось как федерация. До сих пор сохраняется теоретическая возможность того, что в случае пробельности Земли (нем. *Gliedstaat*) в соответствии со ст.ст. 31, 70, 72 Конституции ФРГ (нем. *Grundgesetz für die Bundesrepublik Deutschland, GG*), вправе принять свои уголовные законы относительно уголовных проступков, наказание за которые не может превышать двух лет лишения свободы.

В связи с этим встаёт вопрос о принадлежности ранее действовавшего австрийского кодекса (*Strafgesetz, StG 1803*) к немецкому уголовному праву, в силу того обстоятельства, что во времена Третьего рейха она входила в состав единого немецкого государства, а новый уголовный кодекс был принят и введён в действие только в 1975 году. В любом случае, стоит признать, что общегерманское влияние было довольно сильно, что в культурно-историческом плане, что в правовом. И далее, если считать уголовное право ГДР (ныне «новые Земли» в составе ФРГ), частью немецкого уголовного права, то и австрийское уголовное право является лишь неким ответвлением германской правовой традиции в целом. И уж если касаться генезиса уголовного права центральной Европы, то с некой долей вероятности по вышеозначенным причинам сюда же можно отнести право Дании и Швейцарии.

К сожалению, проблема происхождения норм права, сколь бы интересна она не была, не является самоцелью нашего исследования и в плане изучения пределов действия немецкого уголовного права нам предстоит ограничиться лишь сравнением уголовного законодательства ФРГ и ГДР, когда последнее ещё ближе нам, нежели континентальное право, в целом.

Сравнительный анализ норм германского и русского уголовного права относительно пределов его действия в пространстве.

Исследовав вышеуказанные источники немецкого уголовного права, мы вправе заявить о наличии в них собственной специфики, связанной с историческими обстоятельствами, в которых рождались и действовали данные нормы. В итоге мы не посчитали нужным немедленно дать развёрнутую характеристику каждого законодательного положения в отдельности в их исторической взаимосвязи с теми социальными явлениями, что происходили на протяжении XX века. Вместо этого мы сгруппировали и свели воедино все наши представления о системе норм и принципов, заложенных в основу института действия уголовного закона в пространстве, и представили читателю право самому сделать первоначальные выводы, на основе нижеприведённой таблицы.

Кратко комментируя приведённую таблицу заметим, что в УК ГДР, например, присутствует ст. 8, в которой даётся печенье принципов, на основании которых осуществляется пространственное действие уголовного закона, в целом. Подобного уровня теоретического обобщения не просматривается ни в одном другом из приведённых здесь законодательных актов.

Также очевидно, что наибольшее легальное подкрепление получил территориальный принцип действия уголовного закона в пространстве. В каждом из кодексов ему отведена самостоятельная статья. Исключение представляет только кодекс ГДР, который является весьма компактным, но содержательным актом. Самая же скупая формулировка территориального принципа содержится в п. 3 § 3 StGB ФРГ: «Das deutsche Strafrecht gilt für Taten, die im Inland begangen werden» (немецкое уголовное право действует только внутри страны – прим.: перевод наши). Вместе с тем он же предусматривает максимальное количество различных принципов действия уголовного закона, известных уголовно-правовой доктрине. В частности подробно описаны аспекты применения норм особенной части в соответствии с реальным принципом. Немецкое право в этом отношении рекордсмен, по сравнению с законодательством иных стран мира, хотя уже не в той степени, что была известна фашистскому уголовному

Таблица №1. Сравнение содержания УК по вопросам действия уголовного закона в пространстве.

НПА: Принципы	УК РФ 1996 г. (по состоянию на 06.07.2016)	УК РСФСР 1960 г. (по состоянию на 30.07.1996)	УК ГДР 1968 г. (по состоянию на 19.12.1974)	УК ФРГ 1871 г. (по состоянию на 11.02.2014)
Территориальный	сформулирован в ст. 11 УК	сформулирован в ст. 4 УК	§ 80 StGB	§ 3 StGB
Персональный (актив. гражданства)	ч.1 ст. 12 УК	сформулирован в ст. 5 УК	п. 2 § 80 StGB	п.п. «а», п. 3 § 5 StGB; п.п. «а», «б» п. 8 § 5 StGB; и пр. по отдельным составам преступле- ний
Пассивный персональный	Сформулирован как частный случай ре- ального (в ред. ФЗ от 27.07.2006 N 153)	отсутствует	отсутствует	п. 1 § 7 StGB
Реальный	ч. 3 ст. 12 УК	отсутствует	п. 3 § 80 StGB	§ 5 StGB
Универсальный	ч.3 ст. 12 УК	частично сформули- рован в абз. 4 ст. 5 УК	п. 3 § 80 StGB	§ 6 StGB
Социалистического интернационализма	-	+	+	-

законодательству. Довольно подробной регламентации подверглись обязательства по преследованию преступников, вытекающие из международных обязательств ФРГ. Примерно так и можно перевести название соответствующего параграфа (§8 StGB ФРГ).

Самым «аскетичным» стоит признать социалистическое право в лице УК РСФСР, который отказывался признавать и реализовывать принципы, которые не могут эффективно применяться на практике. Это является одной из причин, по которой сама доктрина советского уголовного права постоянно дискутировала на тему необходимости и употребимости реального принципа [5, С.223]. Отдельного внимания на наш взгляд заслуживает принцип социалистического интернационализма, который является некой альтернативой универсальному принципу. Дело в том, что последний подразумевает создание международного уголовного права, т.е. единой системы норм, определяющей правоохраняемые интересы личности общества и государства. Однако в силу того постулата, что буржуазные общества охраняют не свойственный социализму правопорядок и ценности, то о создании единого общемирового правопорядка не могло быть и речи [6, С. 448]. Взамен этому в социалистических странах создавался собственный правопорядок, охраняющий свойственные социализму ценности. Соответственно все социалистические государства обязаны были оказывать в этом друг другу расширенную взаимопомощь.

Что касается современного уголовного законодательства России и Германии, то в отношении исследуемых принципов можно сказать, что:

1) Основой уголовной юрисдикции в наших странах выступает территориальный принцип. Но если в российском законодательстве даётся довольно точное описание пределов его действия, то в германском постулируется лишь основное его положение: действие германского права внутри границ государства. Причём очевидно, что более поздними поправками к основному уголовному закону этот постулат нарушается в части расширения действия реального принципа и пассивного персонального. Взамен в немецком кодексе можно усмотреть наличие легального определения места преступления (нем.: Ort der Tat) в §9, в то время как для доктрины российского уголовного права характерна дискуссия о месте совершения преступления при отсутствии его легального определения [7, С.22].

2) В немецком уголовном законодательстве существует довольно пространное описание персонального принципа и в частности пассивного персонального принципа, когда приоритет переносится на защиту ин-

тересов потерпевшего. Интересно и то обстоятельство, что StGB оперирует в этом отношении понятием «немецкий преступник» (нем.: der Täter Deutscher). Однако это не свидетельствует об этнической принадлежности лица, совершившего преступление. Фактически между словом немец (немецкий) и гражданство ФРГ можно поставить знак равенства, с некоторыми оговорками. До 5 февраля 1934 года единого немецкого гражданства не существовало вовсе, а немцем по закону об имперском и государственном гражданстве, принятом 22 июля 1913 года, считался любой гражданин союзного государства, входившего в Священную германскую римскую империю. Таким образом, в соответствии со ст. 116 Основного закона ФРГ, 1949 г. «немец», скорее синоним слова «россиянин», нежели термин, определяющий действительную национальную принадлежность. Следовательно, der Täter Deutscher – это преступник, имеющий гражданство ФРГ. Подобный факт очень важен для понимания, поскольку в ряде случаев (касается отдельных составов преступлений Особенной части), немецкий уголовный закон направлен на защиту интересов лиц без гражданства имеющих постоянную связь с ФРГ; беженцев и вынужденных переселенцев; а также юридических лиц, зарегистрированных внутри государства.

3) Реальный принцип действия уголовного закона в пространстве имеет широкое закрепление в StGB. Однако в большинстве случаев его положения предполагают защиту государственных интересов, т.н. Staatsschutzprinzip. В отечественном законодательстве норма, предусматривающая реальный принцип в ч. 3 ст. 12 УК претерпела существенные изменения и после 2006 года содержит оговорку относительно перспектив защиты физических лиц. Здесь мы наблюдаем некое сходство с пассивным персональным принципом, который отдельно закреплён в германском кодексе. Вместе с тем немецкий закон в связи с пассивным персональным принципом предусматривает возможность защиты интересов и прав юридических лиц, а не только граждан.

Всё это может свидетельствовать лишь о том, что по уровню теоретического осмысления пределов действия уголовного закона в пространстве немецкие и российские учёные стоят на весьма близких позициях.

О практике экстерриториального применения Strafgesetzbuch в отношении компьютерных преступлений.

Изучая некогда вопросы возможной адаптации реального принципа к преступлениям, совершаемым в Интернет, нам уже приходилось прибегать к

анализу немецкой правоприменительной практики. Действительно, одним из самых спорных прецедентов современности является попытка применения норм германского уголовного права об ответственности за демонстрацию фашистской символики посредством Интернет. Краткую фабулу дела читатель вполне самостоятельно может почерпнуть из книги А.Э. Жалинского, где приведен данный случай [8, С.105]. В данной работе мы полагаем целесообразным дополнить его некоторыми собственными соображениями и свежими примерами судебных решений Kammergericht (*Берлинского апелляционного уголовного суда; по факту аналога Судебной коллегии по уголовным делам ВС РФ; далее по тексту в соответствии с немецкой транслитерацией: ВGH – прим. автора*).

В качестве первого примера предлагаем рассмотреть судебное решение относительно наказуемости размещения контента и нацистской символики в социальной сети «Facebook» и видеохостинге «YouTube» [9]. В соответствии с немецким федеральным законодательством использование символики антиконституционных организаций, их публичная демонстрация образуют состав преступления, предусмотренного § 86 Verbreiten von Propagandamitteln verfassungswidriger Organisationen, StGB. Двое граждан Чешской республики, создали канал на YouTube: «Arische Musikfraktion» («Арийская музыкальная группа» – *перевод наши*), где выкладывали музыкальные ролики экстремистского содержания (включающие видеоряд на фоне музыки с изображением символики до степени смешения сходной с фашистской). Также по указанным под видео ссылкам можно было перейти на личную страницу одного из основателей канала – S., в социальной сети «Facebook» где он был изображен в ряде фотографий на фоне флага с нацистской символикой стоящим со своим другом со вскинутой рукой в нацистском приветствии. Всего были выявлены 22 «провокационные» фотографии. В 2013 году за указанные действия S. был осужден решением окружного суда города Кобурга на три года и шесть месяцев лишения свободы. Отменяя это решение в части, ВGH пояснил: на принятие решения по данным уголовным делам влияет степень сходства представленного на фотографии флага с официальной символикой запрещенной Конституционным судом Германии национал-социалистической партии. Местом использования подобной символики т.н. «Handlungsort» (напомним видеоролики загружались на YouTube в Чехии) стоит признать сопредельное государство, однако суду

нижестоящей инстанции стоило анализировать и учитывать возможность загрузки данного контента из-за рубежа в Германии. Тогда в действие вступает концепция «успеха» или «успешного достижения результата» (Erfolgort; Begriff des Erfolgs) на территории Германии. Поскольку виновные в состоянии были осознать данное обстоятельство, они были признаны виновными. Хотя само предположение о презумпции знания германского уголовного закона чехами звучит весьма противоречиво даже для немецких юристов [10, С.87]. Достаточно показательным, что открытое размещение символов антиконституционной символики суд признал публичным в связи с размещением фотографий виновным на Facebook, указав на наличие в «подписчиках» 884 иных пользователей социальной сети, часть из которых была немцами. Естественно германский суд не апеллировал к тому, что хозяин страницы должен модерировать доступ пользователей для немцев и не немцев. В своём решении он указывает, что это по техническим причинам сделать невозможно, но вероятность того, что просматривающим такой контент может оказаться немец достаточно высока.

Вместе с тем по другому уголовному делу ВGH постановил, что немецкое уголовное законодательство применяется в отношении деяний, исполненных за границей в соответствии с § 7 п. 1 StGB, только если они были совершены в отношении лиц с немецким гражданством [11]. Речь шла о продаже польским гражданином краденых автомобильных навигационных систем юридическим лицам ФРГ (равно как и полякам на территории Польши). Виновный размещал объявления в Интернет, пересекал границу, встречался с покупателями (установлено три факта продажи), и был задержан. Суд г. Тиргартен рассматривал вопрос об экстрадиции преступника или возможности привлечения к уголовной ответственности на территории Германии. Возникла необходимость решить вопрос о месте наступления преступного результата, связанного со скупкой краденого § 259 «Nehlerei». Однако апелляционный суд рекомендовал передать преступника польской стороне. В своей мотивировочной части, ВGH исходил из того, что данным деянием не был причинен вред внутреннему рынку: «Denn ein danach erforderlicher Taterfolg ist im Inland nicht eingetreten.» (т.е. вред общественным отношениям собственности, охраняемым национальным правом) и отказал в признании юрисдикции над обвиняемым. В основание подобного решения было положено два суждения. Одно заключается в том, что первоначально кражи перепродаваемого имущества совершались на территории иного госу-

дарства и признание их преступными в соответствии польским законодательством не делает их таковыми в Германии автоматически. Второй момент проистекает из предыдущего: становится невозможным установить является ли добросовестным приобретателем обвиняемый или скупщиком краденого. Как следствие – отсутствие возможности применить немецкое уголовное право.

Достаточно интересным в целях нашего исследования является практика квалификации одного из типов интернет-мошенничества – «фишинга» в немецкой правоприменительной практике. Так, по обстоятельствам дела установлено, что прокурор Оффенбурга 20 февраля 2012 года предъявляет обвинение гражданину Испании А. в отмывании средств добытых преступным путём, которые были незаконно списаны с банковского счёта жертв-граждан ФРГ, через онлайн-банкинг. Этому предшествовало создание поддельного сайта по оплате услуг действительных страховых агентов, третьим лицом (предположительно обвиняемым). Осуществление оплаты было устроено таким образом, что после перевода средств на банковский счёт в Барселоне они мгновенно списывались и передавались посредством платёжной системы Western Union неустановленному лицу. Всего было похищено 3135 евро. Вину А. в создании сайта доказать не представлялось возможным. В данных мошеннических схемах обычно задействуют т.н. «дропов» [12, С.104], лиц которые неумышленно способствуют совершению преступления. Таким образом, ему вменялось в вину лишь соучастие в отмывании денег. Примечательно, что распространяя уголовную юрисдикцию Германии на правоотношения возникшие с иностранцем суд считает единственным местом совершения преступления территорию Испании: «Tatort ist daher alleine der Ort in Spanien, an dem der Beschuldigte gehandelt hat» по смыслу § 9 Abs. 1 1. StGB [13]. Обоснованность применения к виновному немецкого законодательства, по мнению BGH заключается в том, что п. 1., § 7 StGB предусматривает возможность экстерриториального действия уголовного законодательства, если нарушены права и интересы немецкого гражданина.

Из описанного вполне очевидно, что немецкая правоприменительная практика не опирается на территориальный принцип действия уголовного закона в пространстве, если речь заходит о преступлениях, совершённых посредством Интернет. Она также не идёт по одному пути со странами Общего права, которые самым перспективным направлением решения проблемы транснациональных компьютерных преступлений видят универсальную юрисдикцию.

Выводы.

Подводя итоги нашего исследования, хотелось отметить, что уголовное законодательство Германии сходно с российским в части воспроизведения количества и качества употребляемых принципов действия уголовного закона. Это объясняется единым генезисом и взаимовлиянием отечественного и немецкого законодательства на протяжении веков. К примеру, и германское, и российское право знает составы преступлений предусматривающих ответственность за преступления в сфере компьютерной информации; а корыстные посягательства с использованием компьютерных технологий и в отечественном, и в немецком нормативных источниках оцениваются одинаково – как мошенничество, осложнённое информационно-коммуникативными технологиями.

Однако, германское право наряду с Общим правом (Common Law) имеет легальное определение места совершения преступления, чего нет в отечественном УК. Но будучи частью континентальной правовой системы оно содержит многочисленные изъятия из территориального принципа действия уголовного закона в пространстве, которые фактически не предусмотрены в праве Великобритании и США. Например, отказ в выдаче (экстрадиции) собственных граждан за рубеж. А реальный и пассивный персональный принципы действуют в ряде случаев независимо от места совершения преступления по германскому праву.

Удалось установить, что в силу определённых исторических обстоятельств в Германии широко распространён персональный принцип действия уголовного закона в пространстве. В законе употребляется специальная правовая категория «немецкий преступник».

Сравнительный анализ уголовного законодательства РСФСР, ГДР, РФ и современной ФРГ показал, что наибольшее разнообразие принципов и конкретику ситуаций связанных с их реализацией на практике содержит уголовное законодательство ФРГ. Будучи принято ещё в 1871 году оно во многом использует архаичную юридическую технику. Новые поправки, в частности от 1987 года несколько расширили действие реального и пассивного персонального принципа, уменьшив абсолютное значение территориального, как то было в XIX веке.

Исследовав вопросы правоприменительной практики мы пришли к выводу о том, что в отношении компьютерных преступлений, совершаемых посредством Интернет, широко применяются как реальный, так и персональный пассивный принцип.

Библиография:

1. Малиновский А.А. Уголовное право зарубежных государств. М., 1998. 128 с.
2. Учебник уголовного права: Части общая и особенная: С примечаниями, приложениями и дополнениями по истории русского права и законодательству положительному. Часть общая. Т. 1 / Бернер А.Ф.; Прим.: Н. Неклюдов, магистр уголов. права. СПб.: Тип. Н. Тиблена и комп., 1865. 941 с.
3. Бухгольц Э., Лекшис И. Новое уголовное право Германской Демократической Республики – социалистическое право // Новое уголовное законодательство зарубежных социалистических стран Европы / Под ред.: Гельфер М.А. (Вступ. ст.), Кригер Г.А. (Вступ. ст.), Кузнецова Н.Ф. (Вступ. ст.), Меньшагин В.Д. (Вступ. ст.). М.: Юрид. лит., 1974. 288 с.
4. Малиновский А.А. Уголовно-правовые системы: вопросы классификации // Международное уголовное право и международная юстиция. 2008. № 3. С. 14-19.
5. Герцензон А.А. Уголовное право. Часть общая. М., 1948. 496 с.
6. Трайнин А.Н. Избранные труды. СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2004. 898 с.
7. Комаров А.А. О возможности применения территориального принципа действия уголовного закона в пространстве, применительно к преступлениям в Интернет // Юридические исследования. 2016. № 8. С. 17-26.
8. Жалинский А.Э. Современное немецкое уголовное право. М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2006. 560 с.
9. Апелляционный суд Берлина. Апелляционное решение Az. 3 StR 88/14 от 19 августа 2014. [Электрон. ресурс] – URL: <http://openjur.de/u/747188.html> (дата обращения: 10 сентября 2016).
10. Spahr S. Internet und Recht: 3. Aufl. Zurich: vdf, Hochsch. Verl. An der ATH, 2002. 167 s.
11. Апелляционный суд Берлина. Дело № 4 Ws 52/06. (KG, 24.03.2006 – 1 AR 323/06). [Электрон. ресурс] – URL: www.judicialis.de/Kammergericht-Berlin_4-Ws-52-06_Beschluss_24.03.2006.html (дата обращения: 10 сентября 2016).
12. Комаров А.А. Криминологические аспекты мошенничества в глобальной сети Интернет: дисс. ... канд. юрид. наук. Пятигорск, 2011. 262 с.
13. Апелляционный суд Берлина. Дело № 2 ARs 91/13. (BGH, 23.04.2013 – 2 ARs 91/13). [Электрон. ресурс] – URL: <http://openjur.de/u/632526.html> (дата обращения: 10 сентября 2016).
14. Комаров А.А. Универсальная юрисдикция уголовного права применительно к преступлениям, совершаемым в Интернет // Международное право. 2016. № 2. С. 26 – 37. DOI: 10.7256/2306-9899.2016.2.19355. URL: http://www.e-notabene.ru/wl/article_19355.html
15. Д.К. Чирков, А.Ж. Саркисян Преступность в сфере высоких технологий: тенденции и перспективы // Национальная безопасность / nota bene. 2013. № 1. С. 20 – 26. DOI: 10.7256/2073-8560.2013.01.3.
16. Комаров А.А. Проблема правового регулирования Интернет в целях пресечения правонарушений, совершаемых в отношении несовершеннолетних. // Вопросы безопасности. 2015. № 4. С. 28 – 48. DOI: 10.7256/2409-7543.2015.4.17103. URL: http://www.e-notabene.ru/nb/article_17103.html

References (transliterated):

1. Malinovskii A.A. Uголовное право zarubezhnykh gosudarstv. M., 1998. 128 s.
2. Bukhgoľ'ts E., Lekshis I. Novoe uголовное право Germanskoi Demokratsicheskoi Respubliki – sotsialisticheskoe право // Novoe uголовное zakonodatel'stvo zarubezhnykh sotsialisticheskikh stran Evropy / Pod red.: Gel'fer M.A. (Vstup. st.), Kriger G.A. (Vstup. st.), Kuznetsova N.F. (Vstup. st.), Men'shagin V.D. (Vstup. st.). M.: Yurid. lit., 1974. 288 s.
3. Malinovskii A.A. Uголовно-pravovye sistemy: voprosy klassifikatsii // Mezhdunarodnoe uголовное право i mezhdunarodnaya yustitsiya. 2008. № 3. S. 14-19.
4. Gertsenzon A.A. Uголовное право. Chast' obshchaya. M., 1948. 496 s.
5. Trainin A.N. Izbrannye trudy. SPb.: Izd-vo «Yuridicheskii tsentr Press», 2004. 898 s.
6. Komarov A.A. O vozmozhnosti primeneniya territorial'nogo printsipa deistviya uголовного zakona v prostranstve, primenitel'no k prestupleniyam v Internet // Yuridicheskie issledovaniya. 2016. № 8. S. 17-26.
7. Zhalinskii A.E. Sovremennoe nemetskoe uголовное право. M.: TK Velbi, Izd-vo Prospekt, 2006. 560 s.
8. Spahr S. Internet und Recht: 3. Aufl. Zurich: vdf, Hochsch. Verl. An der ATH, 2002. 167 s.
9. Komarov A.A. Kriminologicheskie aspekty moshennichestva v global'noi seti Internet: diss. ... kand. yurid. nauk. Pyatigorsk, 2011. 262 s.
10. Komarov A.A. Universal'naya yurisdiksiya uголовного права primenitel'no k prestupleniyam, sovershaemym v Internet // Mezhdunarodnoe право. 2016. № 2. С. 26 – 37. DOI: 10.7256/2306-9899.2016.2.19355. URL: http://www.e-notabene.ru/wl/article_19355.html
11. D.K. Chirkov, A.Zh. Sarkisyan Prestupnost' v sfere vysokikh tekhnologii: tendentsii i perspektivy // Natsional'naya bezopasnost' / nota bene. 2013. № 1. С. 20 – 26. DOI: 10.7256/2073-8560.2013.01.3.
12. Komarov A.A. Problema pravovogo regulirovaniya Internet v tselyakh presecheniya pravonarushenii, sovershaemykh v otoshenii nesovershennoletnikh. // Voprosy bezopasnosti. 2015. № 4. С. 28 – 48. DOI: 10.7256/2409-7543.2015.4.17103. URL: http://www.e-notabene.ru/nb/article_17103.html